

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

Кун С.Л. Роль ориньяка в верхнем палеолите Леванта	2
Роланд Н. Комментарии к статье М. Отта, Я.К. Козловского “Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии”	9
Апикович М.В. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы	15

НЕОЛИТ

Кунгурова Н.Ю. Материалы могильника Солонцы-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры)	30
Бродянский Д.Л., Раков В.А. Древнейшие лодки и мореходы Северо-Западной Пасифики	41

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Савинов Д.Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация)	48
Молодин В.И., Новиков А.В., Соловьев А.И. Погребальные комплексы древнетюркского времени могильника Кальджин-8 (некоторые технологические и этнокультурные реконструкции)	71
Лебединцев А.И. К проблеме происхождения древних приморских культур севера Дальнего Востока	87
Березкин Ю.Е. Южносибирско-североамериканские связи в области мифологии	94
Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Средневековые могильники на севере Древней Руси: новые исследования на Кубенском озере	106
Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Западно-европейский акваманил, привезенный в XVIII веке Г.Ф. Миллером из Сибири	123

ИСКУССТВО

Уманский А.П. О семантике изображений на зеркале из Рогозихи-1	130
---	-----

ЭТНОГРАФИЯ

Шаповалов А.В. К вопросу об использовании галлюциногенов в шаманской практике народов Северной Азии	139
--	-----

ЭТНОРЕАЛЬНОСТЬ В ФОТООБЪЕКТИВЕ

Современный шаманизм Тувы	148
----------------------------------	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Виталий Елифанович Ларичев	157
-----------------------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
--------------------------	-----

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903'1

С.Л. Кун

*Отделение антропологии, Университет Аризоны, США
Department of Anthropology, University of Arizona,
Tucson, AZ 85721-00130, USA
E-mail: skuhn@email.arizona.edu*

РОЛЬ ОРИНЬЯКА В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ЛЕВАНТА

Введение

На протяжении большей части XX в. понятия “ориньяк”, “ранняя стадия верхнего палеолита” и “культура древнейших людей современного типа в Евразии” считались примерно равнозначными. По мере того как становилась очевидной вся сложность ситуации на ранней стадии верхнего палеолита, термин “ориньяк” трактовался все более узко, причем в качестве основного критерия использовалось несколько более или менее четких типов орудий, в частности, скребки высокой формы и “с носиком”, резцы “с клювом”, пластины с перехватом и типа дюфур, а также разнообразные костяные и роговые изделия, в т. ч. наконечники с расщепленным основанием.

В свое время считалось, что ориньяк возник в Восточном Средиземноморье и оттуда распространился на запад. Новые датировки поставили под сомнение гипотезу о том, что ориньяк проник в Европу с востока [Carbonell, 2000, p. 28 – 29]. Вопрос о происхождении ориньяка остается открытым: почти повсюду, где обнаруживается эта индустрия, она кажется пришлой. Некоторые считают ее автохтонной на территории Европы (см., напр.: [Conard, 2002]), тогда как другие до сих пор ищут ее корни в Центральной Азии [Отт, Козловский, 2001].

Хотя в свете новых дат фраза “ex oriente lux”, наверно, уже не применима к европейскому ориньяку, многие склонны считать фразу “ex aurgignacian lux” уместной. Для ряда исследователей ориньяк все еще служит канонем ранневерхнепалеолитической культуры. Часто его появление в Европе связывают с приходом туда людей современного типа и с первыми проявлениями довольно расплывчатого комплекса черт, который именуется “поведением человека современного типа” [Churchill, Smith, 2000; Klein, 1999, p. 484; Mellars, 2000; Отт, Козловский, 2001]. Дискуссии о первых составных

орудиях из кости и рога, украшениях и предметах изобразительного искусства на территории Евразии нередко сосредотачиваются на ориньякской культуре (см.: [Mellars, 1989, 2000], там же ссылки на литературу). Предшествовал ли ориньяк в Юго-Западной Европе возникновению там поведенческих черт, характеризующих человека современного типа, которые нашли отражение в автохтонных культурах типа шатальперрона, или же наоборот, а может быть, они появились одновременно – об этом ведутся горячие споры [D’Errico et al., 1998; Klein, 1999, p. 478 – 479; Mellars, 1999].

Роль и значение ориньяка в Леванте обсуждаются реже, видимо, потому, что Левант долго считался очагом данной культуры. Вопрос этот к тому же и более сложен, поскольку там существовали еще как минимум два ранневерхнепалеолитических технокомплекса – ахмарский и эмирский (“лепто-леваллуазский”), относящийся к самому началу верхнего палеолита. На основании стратиграфических данных и абсолютных дат очевидно, что оба эти комплекса значительно древнее левантийского ориньяка.

Предлагаемая статья не ставит целью дать обзор ориньякских памятников Леванта; это уже сделано более квалифицированными исследователями [Belfer-Cohen, Var-Yosef, 1999]. Моя задача – попытаться выяснить, можно ли считать, что черты т.н. поведения человека современного типа, обнаруживаемые в верхнем палеолите Леванта, были связаны исключительно с ориньякскими индустриями, или же такие черты нашли отражение и в технокомплексах предшествующего времени?

Место ориньяка в ранневерхнепалеолитической культуре Леванта

Термином “ориньяк” обозначались различные археологические технокомплексы на территории Леванта.

В прошлом использовались иные термины. Предложенная Д. Гаррод [Garrod, Bate, 1937] и Р. Невиллем [Neuville, 1934] периодизация левантийского верхнего палеолита включала несколько хронологических фаз, из которых одни были сохранены в последующих схемах, другие упразднены или же сильно модифицированы [Belfer-Cohen, Bar Yosef, 1999, p. 120 – 126]. Важно отметить, что некоторые из левантийских комплексов, именуемых ориньякскими, гораздо ближе к европейским ориньякским, чем другие, по-прежнему включаемые в ту же группу. Так, материалы из слоя D в пещере Хайоним [Belfer-Cohen, Bar Yosef, 1981], слоев VII – XIII в Кзар-Акил [Bergman, 1987; Bergman, Ohnuma, 1987], 1 – 3 в гроте 2 Ябруда [Rust, 1950], верхнепалеолитических слоев 3 и 4 в Кебаре [Bar-Yosef et al., 1996], а также из Сефунима [Ronen, 1984] и Умм эль Тлель [Ploux, 1998] имеют множество черт сходства с классическим ориньяком Европы, причем это касается как каменных орудий, так и иных категорий инвентаря. Сюда относятся, в частности, многочисленные скребки высокой формы и “с носиком”, пластины с перехватом, маленькие пластинки типа дюфур, а также роговые наконечники с расщепленным основанием [Bar-Yosef, 2000, p. 132]. Барадостскую верхнепалеолитическую индустрию иранского Загроса также относили к ориньяку [Olzewski, 1999; Olzewski, Dibble, 1994], хотя другие исследователи полагают, что такой вывод преждевременен [Bar-Yosef, 2000].

Прочие же технокомплексы Леванта были отнесены к ориньяку на основании гораздо менее четких критериев, в первую очередь, численного преобладания отщепов над пластинами в качестве орудийных заготовок, а также высокой частоты встречаемости скребков и прочих орудий с ретушью (см., напр.: [Coinman, Henry, 1995]), что контрастирует с типично ахмарскими комплексами из того же района (см. ниже).

Географическая приуроченность двух типов “ориньякских” памятников различна. Те из них, которые в большей степени соответствуют классическому определению, т.е. обнаруживают четкие и специфичные признаки сходства с европейским ориньяком, тяготеют к средиземноморской ландшафтной зоне и, как правило, находятся на побережье. Большинство же памятников, отвечающих лишь более широким критериям, расположено в засушливых областях Южного Израиля, Иордании и Сирии [Belfer-Cohen, Bar Yosef, 1999]. Неясно, насколько эти “ориньякские в широком смысле” комплексы сопоставимы с классическими ориньякскими Леванта и Европы. Некоторые из них, возможно, следует считать функциональными вариантами иных верхнепалеолитических индустрий [Kerry, 2000].

Помимо ориньяка, в Леванте существовали по меньшей мере еще два ранневерхнепалеолитических

технокомплекса. Более ранний, выделяемый со времен Д. Гаррод и Р. Невилля, обозначается как начальнo-верхнепалеолитический, эмирский или переходный. Поскольку он характеризуется специфической разновидностью леваллуазской пластинчатой техники, его также называют лепто-леваллуазским. Хотя заготовки тут имеют явно среднепалеолитические черты, ретушированных орудий меньше, чем верхнепалеолитических типов, в частности, скребков и резцов. На многих памятниках встречаются специфические формы, в т. ч. наконечники типа эмире и *chanfreins*. Начальнo-верхнепалеолитические памятники обнаружены по всему Леванту, не исключая и засушливых внутренних районов [Voëda, Muhesen, 1993; Coinman, Fox, 2000; Prehistory..., 1983], но наибольшая их концентрация отмечается в северной части, между Бейрутом и Южной Турцией. Именно там исследованы наиболее важные памятники [Azoury, 1986; Voëda, Muhesen 1993; Copeland, 1970; Kuhn et al., 1999]. Сходное сочетание леваллуазской пластинчатой техники с верхнепалеолитическими типами орудий распространено весьма широко – от Северной и Центральной Азии [Деревянко, 2001; Отт, Козловский, 2001] до Центральной Европы [Kozłowski, 2000]. Можно ли объяснить это некой культурной общностью или же речь идет просто о конвергенции – вопрос, выходящий за рамки данной статьи.

Другой ранневерхнепалеолитический технокомплекс Леванта – ахмарский – был выделен в начале 80-х гг. XX в. [Gilead, 1981, 1991; Marks, 1981]. Он характеризуется обилием пластин и пластинок, снятых с призматических нуклеусов (часто с двумя противлежащими ударными площадками). Благодаря использованию мягких отбойников и посредников заготовки получают очень изящными, правильной формы. В раннеахмарских комплексах, особенно в засушливых внутренних районах, набор ретушированных орудий бывает очень ограниченным. В нем часто преобладают остроконечные пластины с мелкой ретушью – т.н. наконечники типа эль-вад, – которые иногда являются практически единственной формой орудий. Ахмарские коллекции из северных районов Средиземноморского побережья более разнообразны. Собственно ахмарский технокомплекс распространен лишь в Восточном Средиземноморье. Его возможная связь с иными пластинчатыми индустриями верхнего палеолита, особенно с граветтскими, требует специального исследования.

Хронологические отношения между этими тремя верхнепалеолитическими технокомплексами изучены довольно хорошо, хотя некоторые аспекты все еще неясны. В отличие от Западной Европы, в Леванте ориньяк не является древнейшей верхнепалеолитической индустрией, более того, он здесь моложе прочих. Первым возник начальнo-верхнепалеолитичес-

кий комплекс: в стратифицированных контекстах он залегает неизменно ниже, чем другие верхнепалеолитические индустрии. Судя по малочисленным пока радиоуглеродным датам, он относится к интервалу 50 – 40 тыс. л.н.; нужно, правда, учитывать, что выборка, использованная для анализа, очень мала [Kuhn et al., 2001; Prehistory..., 1983; Bar-Yosef, 2000]. Стратиграфически и хронологически следующим комплексом является ахмарский, согласно общепринятому мнению, автохтонный и генетически связанный с начально-верхнепалеолитическим [Bar-Yosef, 2000; Prehistory..., 1983; Gilead, 1991]. В тех случаях, когда ахмарская и ориньякская индустрии встречаются на одном и том же памятнике (Кзар-Акил, Антелиас, Ябруд, Кебара), первая из них всегда древнее. Радиоуглеродные даты ахмарского комплекса находятся в интервале около 42 – 30 тыс. л.н. [Bar-Yosef, 2000]. Что же касается ориньякских слоев, то они неизменно залегают выше всего. Судя по имеющимся датам, классический ориньякский комплекс относится ко времени позже 30 тыс. л.н. [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1981; Mellars, Tixier, 1989; Yalçinkaya, Otte, 2000]. Для слоев 1 и 2 в Кебаре получены несколько более ранние даты, но все же и они позже древнейших дат ахмарского комплекса [Bar-Yosef et al., 1996]. Наиболее спорный вопрос: сосуществовал ли ориньяк с поздне-ахмарским комплексом после 30 тыс. л.н. или же пришел ему на смену [Gilead, 1991; Schyle, 1992].

К сожалению, почти никаких антропологических материалов ранней поры верхнего палеолита в Леванте не обнаружено. В сущности единственной заслуживающей упоминания находкой являются костные остатки со стоянки Кзар-Акил. Они принадлежали человеку современного типа. Впрочем, как мы уже неоднократно убеждались, не следует ожидать прямой связи между поведением и анатомическим строением, а потому таксономия ископаемых находок не имеет непосредственного отношения к теме данной статьи.

Что нового содержит левантийский ориньяк?

Судя по всему, в Леванте ориньяк датируется временем по крайней мере на 10 тыс. лет более поздним, чем начально-верхнепалеолитический (“лепто-леваллуазский”) и ахмарский комплексы. Однако существование верхнепалеолитических (в типологическом смысле) индустрий в Восточном Средиземноморье до появления там ориньяка не обязательно означает, что в это время там существовал и полный комплекс черт, именуемый “поведением человека современного типа”. Хорошо известно, что ни пластинчатая технология [Bar-Yosef, Kuhn, 1999] (там же ссылки на литературу), ни даже “верхнепалеолитические” формы орудий не являются надежными показателями поведения человека современного типа. Так, амудская индустрия

характеризуется изящными пластинами и изделиями с обушком; благодаря этим верхнепалеолитическим чертам ее даже называли преориньякской [Ronen, 1922]. Однако никаких иных верхнепалеолитических черт в ней нет. В пещере Табун слои с амудской индустрией залегают под мощными напластованиями эпохи левантийского мустье и датируются временем более 250 тыс. л.н. [Mercier et al., 1995].

Классические ориньякские комплексы Леванта, несомненно, обнаруживают все признаки, характеризующие поведение человека современного типа. Помимо типичных форм каменных орудий, коллекция из слоя D в пещере Хайоним включает наконечники с расщепленным основанием, просверленные зубы и даже предметы искусства – известняковые плитки с нарезками [Belfer-Cohen, Bar-Yosef, 1981, 1999]. Сходство данного комплекса с европейским ориньяком I поразительно. Костяные наконечники и/или бусы из раковин найдены также на стоянках Сефуним, Кзар-Акил и в гроте 2 Ябруда [Altena, 1962; Bar-Yosef, 2000; Ronen, 1984; Rust, 1950]. Напротив, ахмарский и начально-верхнепалеолитический комплексы почти ничего, кроме каменных орудий, не содержат. Иногда, правда, исследователи упоминают о других категориях инвентаря, но их не считают характерными для данных комплексов. Впрочем, возможно, это объясняется тем, что среди раскопанных в последние годы памятников преобладают стоянки открытого типа в засушливых внутренних районах. В Леванте на таких памятниках обычно плохо сохраняются органические остатки. Кроме того, однообразие ретушированных орудий в их инвентаре (в основном представлены наконечники типа эль-вад) свидетельствует о функциональной специализации. Поэтому вполне возможно, что отсутствие костяных изделий, украшений вызвано тафономическими условиями и природным окружением памятников.

Изучение пещерных стоянок в прибрежных районах давно уже выявило разнообразие технологических и поведенческих показателей, хотя до недавнего времени на них обращали мало внимания. К сожалению, самые крупные и выразительные памятники (Кзар-Акил, Ябруд и Антелиас) были раскопаны более полувека назад, когда археологическая методика не отвечала нынешним стандартам. Тем не менее помимо каменных орудий исследователями описаны и некоторые иные категории инвентаря. Недавно в ходе раскопок в Израиле (слои 1 – 4 в пещере Кебара) и Турции (пещера Ючагизли) выявлен целый ряд существенных верхнепалеолитических признаков в комплексах верхнего палеолита, не относящихся к ориньяку.

Кроме того, находки в пещерах Кзар-Акил, Кебара, Ючагизли, а возможно, и Ябруд показали, что, по крайней мере, украшения были широко распространены в Леванте уже с самого начала верхнего палеолита.

На первых трех из названных памятников обнаружено значительное количество бус и иных изделий из раковин морских моллюсков. В Кебаре украшения из раковин найдены как в древнейших (ахмарских?) слоях, так и в более поздних, ориньякских [Bar-Yosef, 2000]. В пещерах Кзар-Акил и Ючагизли бусы встречаются во всех верхнепалеолитических слоях, начиная с самых ранних [Altena, 1962; Kuhn et al., 2001]. Эти изделия не только многочисленны, но и стандартизованы как по материалу (использовались раковины лишь небольшого числа видов моллюсков), так и по технике изготовления. В отличие от среднего и нижнего палеолита, когда лишь в крайне редких случаях можно предположительно говорить об украшениях, на ранней стадии верхнего палеолита бусы из раковин образуют устойчивую категорию неутилитарных материальных символов. В качестве таковых они относятся к первым недвусмысленным свидетельствам использования материальных объектов для коммуникации, что, несомненно, является универсальной чертой культур, создаваемых людьми современного типа. В верхнем палеолите Леванта практически все украшения делались из раковин. Исключение составляет лишь обработанный коготь хищника из пещеры Ючагизли. Интересно, что в других регионах ситуация с древнейшими украшениями совсем иная. Так, в Восточной Африке первые украшения делались в основном из скорлупы яиц страуса, в Центральной Европе – из зубов животных [Ambrose, 1998; Kozłowski, 2000].

Разнообразные костяные орудия также представлены и в начально-верхнепалеолитическом, и в ахмарском комплексе. Наибольшее их число найдено в пещере Ючагизли. В ахмарских горизонтах (В, В1 – 4, С) обнаружено более десятка костяных предметов разного размера и назначения – иглы, шилья, наконечники и пр. Три крупных наконечника (либо булавки) из кости найдены в ранних слоях, относящихся к началу верхнего палеолита (F и H). В монографии А. Руста, посвященной Ябруду [Rust, 1950], имеются рисунки костяных или роговых предметов с острием, найденных в слоях 4 и 7 грота 2. Автор считал их раннеориньякскими, но в дальнейшем они были отнесены к ахмарскому комплексу [Schyle, 1992]. Неизвестно, обнаружены ли подобные предметы в ахмарских и начально-верхнепалеолитических слоях стоянок Кзар-Акил и Кебара; в публикациях упоминаний о них нет. Вообще в ахмарских и начально-верхнепалеолитических комплексах костяных и роговых изделий чрезвычайно мало, зато в ориньякском слое D в пещере Хайоним они встречаются в изобилии. Неясно, в какой мере доориньякское верхнепалеолитическое население Леванта использовало эти материалы. Исключительное богатство и разнообразие костяных изделий в пещере Хайоним может отражать как функциональную специализацию, так и культурное своеобразие.

Важно подчеркнуть, что древнейшие украшения и костяные изделия в ахмарском и начально-верхнепалеолитическом комплексах нельзя считать изолированным явлением, неким “преждевременным” культурным достижением, не получившим дальнейшего развития. Там, где условия залегания благоприятствовали сохранности бус из раковин, они обнаружены в достаточном количестве в верхнепалеолитических и эпипалеолитических комплексах по всему Леванту. Многие виды моллюсков, раковины которых служили основным материалом в начале верхнего палеолита и в раннеахмарское время, продолжали использоваться вплоть до натуфийской эпохи. Костяные изделия (правда, немногочисленные) также встречаются практически на всех верхнепалеолитических и эпипалеолитических памятниках Леванта [Coinman, 1996; Gilead, 1991]. Они никогда не бывают столь многочисленны, как в некоторых европейских комплексах. Известно, что современные охотники и собиратели, живущие в низких широтах, вкладывают меньше труда в изготовление определенных орудий (особенно охотничьих), чем жители областей, более удаленных от экватора. Похоже, что контраст между верхнепалеолитическими технологиями Леванта и Северной Евразии отражает не столько различия в умственных способностях между разными группами гоминидов, сколько разные стратегии добывания и переработки ресурсов [Kuhn, Stiner, 2001].

Как же обстоит дело с третьим элементом, определяющим “поведение человека современного типа”, – искусством? Тут приходится признать, что ориньяк опережает другие верхнепалеолитические комплексы Леванта, хотя и не намного. В пещере Хайоним в слое D обнаружены две известняковые плитки с резными изображениями животных. Пока это, в сущности, единственные произведения изобразительного искусства, связанные с верхним палеолитом и эпипалеолитом Леванта вплоть до натуфийской эпохи. Даже в эпипалеолите абстрактные образы и орнаментированные предметы крайне редки. Один из примеров – галька с резными геометрическими узорами, найденная на раннеэпипалеолитическом памятнике Уркан э Руб [Hovers, 1990]. На нескольких отщепках из слоя В в пещере Ючагизли также имеются нарезки, но эти предметы сходны со среднепалеолитическими камнями с нарезками из Европы [Hovers et al., 1997] и Африки [D’Errico et al., 2001] не в меньшей степени, чем с верхнепалеолитическими образцами.

Следует отметить, что в отличие от украшений и костяных орудий предметы верхнепалеолитического искусства распределены весьма неравномерно. Даже на поздней стадии верхнего палеолита они концентрируются в Северной Европе и в районе франко-испанского пограничья (Кантабрия), тогда как в других местах весьма редки. Едва ли такое распределение

отражает различия в когнитивных способностях людей финальной поры плейстоцена. Скорее всего, речь идет о различных символических, социальных или экономических функциях, которыми были наделены украшенные изображения пещеры или предметы [Barton et al., 1994; Mithen, 1988a, б]. Поэтому редкость символических изображений в верхнем палеолите Леванта вряд ли имеет большее значение, чем их редкость в верхнем палеолите Балкан и Восточной Европы или же в позднекаменном веке Африки.

Обсуждение

Ориньяк традиционно рассматривается в качестве первого вполне сложившегося верхнепалеолитического комплекса, а также как древнейшее на территории Евразии проявление некой нечетко определенной совокупности признаков, которая, как считается, характеризует поведение человека современного типа. Верхнепалеолитические индустрии, предшествовавшие ориньяку по времени, давно уже были выявлены в Леванте (как и в других районах), но оставалось неясным, насколько в них представлены черты, отражающие поведение человека современного типа. Вышеприведенная сводка, как я надеюсь, продемонстрировала, что по крайней мере два существенных показателя верхнепалеолитического поведенческого комплекса – индивидуальные украшения и полированные костяные орудия – хорошо представлены как в ахмарском, так и в начально-верхнепалеолитическом комплексе (Кебара, Кзар-Акил, грот 2 в Ябруде и Ючагизли). По существу, единственным новшеством, связанным с ориньяком, является изобразительное искусство, но его образцы обнаружены лишь на одном памятнике. Поэтому нельзя по-прежнему считать ориньяк эталоном комплекса признаков, характеризующего поведение человека современного типа, в Восточном Средиземноморье, а также, возможно, и в Восточной Европе, и в Центральной Азии.

Что же можно сказать о происхождении “верхнепалеолитического поведенческого комплекса” в Восточном Средиземноморье? Несомненно, многие его принципиальные признаки – технологические, типологические и даже символические – появились в начале верхнего палеолита и раннеахмарское время. Согласно преобладающему мнению, начально-верхнепалеолитический комплекс возник на основе позднего варианта левантийского мустье и, в свою очередь, дал начало ахмарскому комплексу. Эта последовательность (если она подтвердится) имеет прямое отношение к проблеме эволюции поведения левантийских гоминидов (не следует смешивать с проблемой эволюции физического типа). В самом деле, ведь тогда можно будет говорить о преемственности между позднемустьерской и верхнепалеолитической культурами.

Связь между начально-верхнепалеолитическим комплексом и поздним мустье, с одной стороны, и между ним же и раннеахмарским комплексом – с другой, – ключевые звенья данного процесса. На памятниках Кзар-Акил и Ючагизли, по-видимому, наблюдается преемственность технологических традиций между начально-верхнепалеолитической и раннеахмарской индустриями, проявляющаяся в постепенном переходе от использования твердого отбойника, фасетированных ударных площадок и однонаправленного или встречного скалывания к применению мягкого отбойника или посредника, к существенной доработке площадок и призматическим нуклеусам с противоположащими площадками. В типологии орудийных форм она менее выражена, хотя ведущие начально-верхнепалеолитические типы орудий – *chanfreins* и накопечники типа эмире – исчезают постепенно.

Предшествующий переход – от финального мустье к начально-верхнепалеолитическому комплексу – прослеживается не столь отчетливо. А. Маркс считает, что материалы из Бокер-Тачтит позволяют установить преемственность между мустьерской и верхнепалеолитической техникой изготовления заготовок; при этом формы орудий практически не меняются [Prehistory..., 1983; Marks, 1993]. К сожалению, это единственный памятник, где стратиграфическая летопись не имеет перерывов. В пещере Кзар-Акил позднемустьерские и древнейшие верхнепалеолитические слои разделены седиментационной или эрозионной лакуной [Azouq, 1986]. Как уже указывалось, позднее мустье таких левантийских памятников, как Кебара или Тор-Фарадж, сильно отличается от древнейших комплексов верхнего палеолита [Tostevin, 2000]. Альтернативное предположение состоит в том, что на заключительной стадии среднего палеолита в Южном Леванте существовало несколько типов индустрий, причем на основе одного из них, сравнительно позднего и отличающегося обилием пластин (мустье типа Табун D), сформировался начально-верхнепалеолитический комплекс типа Бокер-Тачтит.

Многие исследователи полагают, что в Леванте имела место преемственность между средне- и верхнепалеолитическими индустриями, однако имеющихся данных недостаточно для утверждения об автохтонности начально-верхнепалеолитического комплекса. Хотя эволюция подправленных нуклеусов, прослеживаемая по материалам из Бокер-Тачтит, выглядит внушительно, невозможно получить окончательный ответ на основании материалов одного памятника, тем более что мустьерские черты в них, в частности наличие подправленных нуклеусов, подобных леваллуазским, имеют довольно общий характер и широко распространены в среднем палеолите. Начально-верхнепалеолитический комплекс вполне мог возникнуть на базе мустье, но не обязательно в Леванте. Это могло произойти где угодно. Но тогда возникает вопрос, где же именно. Мало что свидетель-

стует в пользу африканского происхождения. Вообще, комплексы с верхнепалеолитическими формами орудий и среднепалеолитическими (или подобными им) формами нуклеусов нетипичны для Северной Африки, по крайней мере, в рассматриваемый период (они появляются здесь гораздо позже). В пещере Содмейн в Северной Африке обнаружен сходный “лепто-леваллуазский” комплекс, но он пока не датирован [Vermeersch et al., 1994].

Что же касается ориньяка, то, хотя в течение долгого времени принято было ставить знак равенства между ним и ранним верхним палеолитом в самом широком смысле, левантский ориньяк уже нельзя считать древнейшим примером “классического” верхнепалеолитического комплекса. Как в Леванте, так и в различных частях Европы и Азии артефакты (украшения, костяные орудия и др.), свидетельствующие о поведенческих особенностях, отличающих носителей верхнепалеолитических культур от представителей более ранних эпох, появляются до ориньяка, часто задолго до него. Это не значит, что он не сыграл значительной роли. Ориньякский комплекс (даже в узком его понимании) был распространен на обширных территориях, от Атлантики до Восточного Средиземноморья, а возможно, и до Загроса. Если перестать рассматривать ориньякскую культуру в качестве проводника “поведения человека современного типа”, то становится гораздо труднее понять, почему распространялся он сам или (если верно альтернативное объяснение) почему процессы, приведшие к возникновению целого комплекса культурных черт, независимо протекали в районах, разделенных тысячами километров. В итоге, как ни парадоксально, ориньякская проблема становится еще более интригующей, чем она была прежде. Если вопрос о причинах широкого распространения ориньяка будет решен, мы узнаем о популяционной динамике, культурной трансмиссии и технологической эволюции в эпоху верхнего палеолита гораздо больше того, на что могли рассчитывать.

Список литературы

- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3(7). – С. 70 – 103.
- Отт М., Козловский Я.К.** Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3(7). – С. 51 – 62.
- Altena C.O. van Regtern.** Molluscs and Echinoderms from Paleolithic Deposits in the Rock Shelter of Ksar Akil, Lebanon // Zoologische Mededelingen. – 1962. – Vol. 38. – P. 87 – 979.
- Ambrose S.** Chronology of the later Stone Age and food production in East Africa // Journal of Archaeological Science. – 1998. – Vol. 25. – P. 377 – 392.
- Azoury I.** Ksar Akil, Lebanon. – Oxford: British Archaeological Reports, 1986. – Vol. 1: Levels XXV – XII. – 244 p. – (BAR International Series; N 289).
- Barton C.M., Clark G.A., Cohen A.** Art as information: Explaining Upper Paleolithic art in Western Europe // World Archaeology. – 1994. – Vol. 26(2). – P. 185 – 207.
- Bar-Yosef O.** The Middle and early Upper Paleolithic of southwest Asia and neighboring regions // The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean / Eds. O. Bar-Yosef and D. Pilbeam. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 107 – 156. – (Peabody Museum Bull.; N 8).
- Bar-Yosef O., Arnold M., Mercier N., Belfer-Cohen A., Goldberg P., Houseley R., Laville H., Meignen L, Vogel J.C., Vandermeersch B.** The dating of the Upper Paleolithic layers at Kebara Cave, Mt. Carmel // Journal of Archaeological Science. – 1996. – Vol. 23. – P. 297 – 306.
- Bar-Yosef O., Kuhn S.** The big deal about blades: Laminar technologies and human evolution // American Anthropologist. – 1999. – Vol. 101. – P. 322 – 338.
- Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O.** The Aurignacian at Hayonim Cave // Paléorient. – 1981. – Vol. 7(2). – P. 19 – 42.
- Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O.** The Levantine Aurignacian: 60 years of research // Dorrothy Garrod and the Progress of the Paleolithic / Eds. W. Davies and R. Charles. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 118 – 134.
- Bergman C.** Ksar Akil, Lebanon. – Oxford: British Archaeological Reports, 1987. – 333 p. – (BAR International Series; N 239).
- Bergman C., Ohnuma K.** The Upper Paleolithic sequence of Ksar Akil, Lebanon // Berytus. – 1987. – Vol. 35. – P. 13 – 40.
- Boëda E., Muhesen S.** Umm el Tlel (El Kown, Syrie): Etude préliminaire des industries lithiques de Palolithique moyen et supérieur // Cahiers de l'Euphrate. – 1993. – Vol. 7. – P. 47 – 91.
- Carbonell E.** A geographic perspective on the Middle to Upper Paleolithic transition in the Iberian peninsula // The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean / Eds. O. Bar-Yosef and D. Pilbeam. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 5 – 34. – (Peabody Museum Bull.; N 8).
- Churchill S., Smith F.** Makers of the early Aurignacian in Europe // Yearbook of Physical Anthropology. – 2000. – Vol. 43. – P. 61 – 115.
- Coinman N.** Worked bone in the Levantine Upper Paleolithic: Rare examples from the Wadi asl Hasa, west-central Jordan // Paléorient. – 1996. – Vol. 22(2). – P. 113 – 121.
- Coinman N., Fox J.** Tor Sadaf (WHSNB 8): The transition to the Upper Paleolithic // The Archaeology of the Wadi al Hasa. – Tempe: Arizona State University, 2000. – Vol. 2: Excavations at Middle, Upper and Epipaleolithic Sites / Ed by N. Coinman. – P. 123 – 142. – (Arizona State University Anthropological Research Papers; N 52).
- Coinman N., Henry D.O.** The Upper Paleolithic Sites // Prehistoric Cultural Ecology / Ed by D.O. Henry. – N.Y.: Plenum Press, 1995. – P. 133 – 214.
- Conard N.** The timing of cultural innovations and the dispersal of modern humans in Europe // Terra Nostra. – 2002. – Vol. 2002/6. – P. 82 – 94.
- Copeland L.** The early Upper Paleolithic flint material from levels VII – V, Antelias cave, Lebanon // Berytus. – 1970. – Vol. 19. – P. 99 – 143.

- D'Errico F., Henshilwood C., Nilssen P.** Engraved bone fragment from c. 70000-year-old Middle Stone Age levels at Blombos Cave, South Africa: Implications for the origin of symbolism and language // *Antiquity*. – 2001. – Vol. 75. – P. 309 – 318.
- D'Errico F., Zilhao J., Julien M., Baffier D., Pelegrin J.** Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // *Current Anthropology*. – 1998. – Vol. 39. – P. S1 – S44.
- Garrod D.A.E., Bate D.M.A.** *The Stone Age of Mount Carmel*. – Oxford: Clarendon Press, 1937. – Vol. 1. – 240 p.
- Gilead I.** Upper Paleolithic tool assemblages from the Negev and Sinai // *Préhistoire du Levant* / Eds. P. Sanlaville and J. Cauvin. – P.: CNRS, 1981. – P. 331 – 342.
- Gilead I.** The Upper Paleolithic in the Levant // *Journal of World Prehistory*. – 1991. – Vol. 5. – P. 105 – 154.
- Hovers E.** Art in the Levantine Epi-paleolithic: An engraved pebble from a Kebaran site in the lower Jordan Valley // *Current Anthropology*. – 1990. – Vol. 31(3). – P. 317 – 322.
- Hovers E., Vandermeersch B., Bar-Yosef O.** A Middle Paleolithic engraved artifact from Qafzeh Cave, Israel // *Rock Art Research*. – 1997. – Vol. 14(2). – P. 79 – 87.
- Kerry K.** Intra- and inter-site variability within the Levantine Upper Paleolithic: Evidence from Jebel Humeima (J412), southwest Jordan // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 2000. – Vol. 66. – P. 1 – 18.
- Klein R.** *The Human Career*. – 2nd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1999 – 810 p.
- Kozłowski J.** The problem of cultural continuity between Middle and Upper Paleolithic in Central and Eastern Europe // *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef and D. Pilbeam. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 77 – 105. – (Peabody Museum Bull.; N 8).
- Kuhn S., Stiner M.** The antiquity of hunter-gatherers // *Hunter-Gatherers, an Interdisciplinary Perspective* / Eds. C. Panter-Brick, R.H. Layton, and P.A. Rowley-Conwy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – p. 99 – 142.
- Kuhn S., Stiner M., Güleç E.** Initial Upper Paleolithic in south-central Turkey and its regional context: A preliminary report // *Antiquity*. – 1999. – Vol. 73. – P. 505 – 517.
- Kuhn S., Stiner M.C., Reese D., Güleç E.** Ornaments in the earliest Upper Paleolithic: New perspectives from the Levant // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2001. – Vol. 98(13). – P. 7641 – 7646.
- Marks A.** The Upper Paleolithic of the Negev // *Préhistoire du Levant* / Eds. P. Sanlaville and J. Cauvin. – P.: CNRS, 1981. – P. 343 – 352.
- Marks A.** The early Upper Paleolithic: A view from the Levant // *Before Lascaux: The Complex Record of the Early Upper Paleolithic* / Eds. H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White. – Boca Raton: CRC Press, 1993. – P. 5 – 22.
- Marks A.** A new Middle-to-Upper Paleolithic “Transitional” assemblage from Buran kaya II< level C, eastern Crimea. A preliminary report // *Préhistoire d'Anatolie: Gèneses de Deux Mondes* / Ed by M. Otte. – Liège: Université de Liège, 1998. – P. 353 – 366. – (Études et Recherches Archéologiques de L'Université de Liège; N 85).
- Mellars P.** Major issues in the emergence of modern humans // *Current Anthropology*. – 1989. – Vol. 40(3). – P. 349 – 385.
- Mellars P.** The Neanderthal problem: Replies to d'Errico and colleagues // *Current Anthropology*. – 1999. – Vol. 40(3). – P. 341 – 364.
- Mellars P.** The archaeological records of the Neandertal-modern human transition in France // *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / Eds. O. Bar-Yosef and D. Pilbeam. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – P. 35 – 47. – (Peabody Museum Bull.; N 8).
- Mellars P., Tixier J.** Radiocarbon accelerator dating of Ksar Aqil (Lebanon) and the chronology of the Upper Paleolithic sequence in the Middle East // *Antiquity*. – 1989. – Vol. 63. – P. 761 – 768.
- Mercier N., Valladas H., Valladas G., Reyss J.L., Jelinek A., Meignen L., Joron J.L.** TL-dates of burnt flints from Jelinek's excavations at Tabun and their implications // *Journal of Archaeological Science*. – 1995. – Vol. 22(4). – P. 495 – 510.
- Mithen S.** Looking and learning: Upper Paleolithic art and information gathering // *World Archaeology*. – 1988a. – Vol. 19(3). – P. 297 – 327.
- Mithen S.** To hunt or to paint: Animals and art in the Upper Paleolithic // *Man*. – 1988b. – Vol. 23(4). – P. 671 – 695.
- Neuville R.** *Le Paléolithique du Palestine* // *Revue Biblique*. – 1934. – Vol. 43. – P. 237 – 259.
- Olzewski D.** The Early Upper Paleolithic in the Zagros Mountains // *Dorothy Garrod and the Progress of the Paleolithic* / Eds. W. Davies and R. Charles. – Oxford: Oxbow Books, 1999. – P. 167 – 180.
- Olzewski D., Dibble H.** The Zagros Aurignacian // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35. – P. 68 – 75.
- Ploux S.** Le paléolithique supérieur d'Umm el Tlel (Bassin d'El Kown, Syrie): Observations préliminaires // *Cahiers de l'Euphrate*. – 1998. – Vol. 8. – P. 27 – 54.
- Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel** / Ed by A. Marks. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1983. – Vol. 3. – 349 p.
- Ronen A.** Sefunim Prehistoric Sites, Mount Carmel, Israel. – Oxford: British Archaeological Reports, 1984. – 533 p. – (BAR International Series; N 230).
- Ronen A.** Emergence of blade technology: Cultural affinities // *Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia*. – Tokyo: Hokusensha Publishing, 1992. – P. 217 – 228.
- Rust A.** *Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien)*. – Neumünster: Karl Wacholtz Verlag, 1950. – 154 S.
- Schyle D.** Near Eastern Upper Paleolithic Cultural Stratigraphy: Biehefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients, Reihe B (Geisteswissenschaften) Nr. 59. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1992. – 150 p.
- Tostevin G.** Behavioral Change and Regional Variation across the Middle to Upper Paleolithic Transition in Central Europe, Eastern Europe, and the Levant: Ph.D Dissertation. – Cambridge: Harvard University, 2000. – 492 p.
- Vermeersch P.M., Moeyersons J., Van Neer W.** Sodmein Cave site, Red Sea Mountains (Egypt) // *Sahara*. – 1994. – Vol. 6. – P. 31 – 40.
- Yalçinkaya I., Otte M.** Début du Paléolithique supérieur à Karain (Turquie) // *L'Anthropologie*. – 2000. – Vol. 104. – P. 51 – 62.